

рыцарство, ибо завоеванная страна тотчас же расчленилась на эти два противоположных элемента. Правящий класс латинцев один только подпадал действию франкского права, которым регулировались личная свобода, юридические и государственные отношения завоевателей; остальные же классы, которые составлялись из поработанных греков, были обречены на правовую и государственную зависимость. Бургундский законодатель имел, по крайней мере, то преимущество перед древними своими предшественниками, что ему не надо было опасаться протестов со стороны афинских демоса и демагогов. При учреждении франкского государства греческий народ принимался лишь во второстепенное соображение: главной задачей представлялось создать именно франкское государство. Для этого грубого искусственного сооружения образцы, по счастью, имелись наготове, ибо Оттон де ла Рош без всяких мудрствований мог пересадить на греческую почву военную ленную систему из Бургундии, Шампани или любого иного французского графства; словом, он мог создать здесь тимократию — аристократическое феодальное государство, к которому поработанным грекам оставалось только приладиться. Остов этого строя поэтому легко можно было воздвигнуть, раз мегаскир распределил бы земельные угодья между своими дружинниками и обязал бы последних несением воинской службы и вассальной верноподданностью.

Подобные же аналогии представляли государства крестоносцев, создавшиеся в Сирии и Кипре. На этом последнем благодатном острове первый франкский его король Гюи де Лузиньян всего несколько лет перед завоеванием Афин создал триста баронств для рыцарей, имевших право носить золотые шпоры, и двести более еще мелких военных ленных владений. Впрочем, подобных притязаний палладины де ла Роша были чужды, если бы даже Атика, Беотия и Мегара и заключали в себе для этого достаточное количество земель. Нам ничего не известно ни о числе, конечно незначительном, ратников, явившихся под знаменами первого мегаскира, ни о фамилиях его рыцарственных товарищей и тех дво-